

«МГ» продолжает публиковать автобиографические очерки известного организатора здравоохранения, хирурга, заслуженного врача РФ, писателя, журналиста и краеведа, основателя музея истории медицины в Тамбове и победителя литературного конкурса им. М. А. Булгакова «МГ» 2011 г. Якова ФАРБЕРА, ныне жителя немецкого Ганновера. Первые пять были связаны с пресловутым «делом врачей» и медицинской практикой в 50-е годы прошлого века.

Бычковский парк

Вот уже два месяца я трудился в качестве деревенского врача. Скучать в эти дни не приходилось. Моя хирургическая практика тесно переплеталась с гинекологией и акушерской помощью, а в отсутствие главного врача Александра Ивановича я становился и терапевтом, и глазником, и ушником и еще бог знает кем, ведь я в то время был единственным врачом в районной больнице.

И вместе с тем находилось время для отдыха. Я полюбил ежедневные прогулки по парку. Невозможно описать красоту этого живописного уголка. В традициях дворянских поместий было украшение принадлежащих им земель, среди безлесных степных просторов создавались парки, в которых высаживались экзотические растения, завозились из-за рубежа невиданные в этих краях деревья. В бычковском поместье я впервые увидел, к примеру, итальянскую березу. Ее отличие в том, что листья у нее не такие, как у наших берез, а как у клена, но только гораздо меньшего размера.

Среди деревьев, высаженных владельцем имения около 50 лет назад, росла и красавица липа, которой, как уверяли старожилы, было более 100 лет.

В те времена бычковский парк уже приходил в упадок, но еще сохранял благородный вид. В центре усадьбы когда-то красовался искусственно созданный пруд, теперь, к сожалению, почти пересохший.

Михалыч

Как-то совершая свой вечерний моцион, я вышел на дальнюю полянку парка и увидел необыкновенно красивую пасеку. Ульи, все как на подбор, были одного размера с резными наличниками и обозначенным краской летком. Пасечник склонился над одним из ульев, что-то там чинил и, не поворачивая головы, сказал мне: — Брось папиросу, пчелы этого не любят.

Я, конечно, подчинился, но меня поразило тогда, как он меня «учуял», ведь я еще не успел к нему приблизиться. Впрочем, это я тогда удивился, при первой встрече, а потом, когда познакомился и подружился с Василием Михайловичем Пановым, меня уже ничто в нем не удивляло. Легендарный Михалыч сам по себе был удивительным человеком.

Пожалуй, надо начать с того, что после перенесенного в раннем детстве полиомиелита он стал инвалидом, правая нога его была значительно укорочена. В год нашего знакомства ему исполнилось 45, но вот что поразительно: дальше райцентра он никуда и никогда не выезжал. Его привычный маршрут в Шехмань — в военкомат или на ВТЭК — и обратно к себе в Хренновку. Я, можно сказать, упал, когда услышал, что мой разлюбезный Михалыч за всю

свою жизнь никогда не видел паровоза. Когда я над ним по этому поводу решил подтрунить, он мне в ответ: «А на хрена мне ваш паровоз нужен!» (выходит, был прав шофер Николай, когда по дороге в Бычок говорил мне о жителях деревеньки с таким веселым названием).

Несмотря на его физический недостаток, я более проворного человека не встречал. Ему забраться на дерево или на крышу дома, как говорится, раз плюнуть. А говорить о том, какой

ним на охоту и ни разу не видел, чтобы он промахнулся. Как-то я спросил его, как ему удастся так метко стрелять? А он мне в ответ:

— Знаешь, доктор, ежели стрелять не метко, значит, порошок тратит зря, а он ведь нонче не дешев. Так — нежно — он называл порошок.

Как-то, помню, пошли мы на уток поздней осенью, уже кромки наших блюдце-озерца заледенели, и птицы держались середины водоема. Нас было трое: Михалыч со своим «само-

стрелил этого красавца, ведь был один выстрел?

Отвечает:

— Вот этим выстрелом и подстрелил. Ведь вот вы целитесь в саму птицу, а дробь пока долетит, ее уже на том месте нет. Надо прицеливаться с опережением на длину утиной тушки.

— А как ты узнал, что птицы полетят именно в нашу сторону?

— А они всегда туда летят, потому как в километре отсюда есть такое же озерцо.

Михалыч учил нас не только

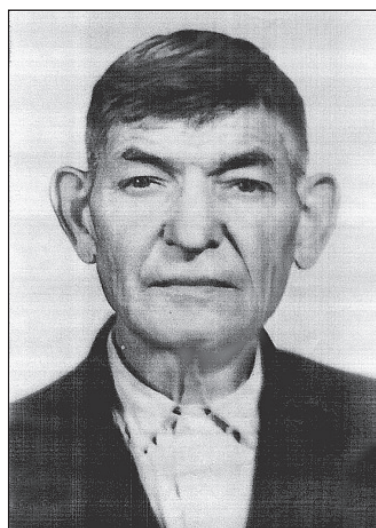
режка. Мне даже разуваться не придется — достану рыбу рукой. Выстрелил в бурлящую круговерть, и, конечно, всё смолкло.

Увидев белое брюшко, наклонился, чтобы достать свою трофей. Но не тут-то было! Щука почему-то оказалась в какой-то сетке. Не успел я еще ничего сообразить, как в этот момент из камышовых зарослей вышел незнакомый мне человек и на «местном диалекте с неоднократным упоминанием моей мамы» спросил меня, на каком

Далекое — близкое

Тонкости щучьей охоты

Сельские врачи становились неотъемлемой частью жизни местного населения

он умелец, можно только в превосходной степени. О его универсальном мастерстве знала вся округа, и обращались к нему с просьбами по всякому поводу. Кому крышу перекрыть, кому замок или часы починить — все шли к Михалычу. Художественно исполненные ульи на бычковской пасеке — тоже дело его рук.

Со временем он стал брать меня на охоту. В окрестностях Бычка было несколько круглых озер, тянувшихся цепочкой в сторону Липецка. Стаи перелетных птиц любили опускаться на эти небольшие водоемы для отдыха. Михалыч был членом Общества охотников, поэтому сроков начала охоты никогда не нарушал, хотя пальба из ружей начиналась задолго до официально назначенного срока охоты. Причем нарушителями чаще всего были те, кому по положению предписано было эти законы неукоснительно соблюдать. Начальство из Тамбова и Мичуринска подъезжало прямо к берегам озера и палило из дорогих заграничных ружей в сидящую на воде дичь. Это сильно возмущало Михалыча. Он говорил:

— Мерзавцы! Стрелять не умеют, не столько убьют, сколько покалечат птицу! Ведь к перелету подранки уже не способны, значит, останутся в зиму, прячась в камышах, и непременно погибнут.

Сам стрелял он отменно. Самое удивительное было то, что ружье у него было самодельное. Да, да, и ствол, высверленный из целого прута, и курковый механизм, и приклад — всё сделано руками деревенского умельца — Василия Михайловича Панова. Сколько раз я ходил с

палом», я с новой двустволкой тульского производства и Ваня Ланцев с шикарным «Зауэром». Ваня Ланцев — мой новый приятель и, можно сказать, коллега, работал при Шумиловской МТС, как он сам себя называл, ученым зоотехником. Михалыч взял Ваню заграничное ружье, быстро вскинул к плечу и сказал:

— Славное ружьецо, прикладистое. С таким ружьем, Ваня, ты всю дичь у нас перебьешь, нам ничего не оставишь...

И обращаясь к нам, говорит: — Теперь наметим план охоты. Вы вдвоем пойдете вон в тот угол и будете держать ружья наизготове, а я останусь здесь и пальну разок, чтоб поднять стаю. Утки обязательно полетят на вас, и вы уж там не зевайте.

Мы встали в указанном месте. Раздался выстрел, утки поднялись и действительно полетели в нашу сторону, но, то ли от излишнего волнения, а скорей всего, от нашего неумения, мы с Иваном оба промазали. Через несколько минут мы увидели Василия Михайловича — злого, изрыгающего жуткие слова.

охотничьим премудростям, но и раскрывал секреты рыболовства. Как-то наш наставник спросил меня, ходил ли я когда-нибудь на рыбалку с ружьем? Я ему ответил, что даже представления не имею, что можно добыть рыбу с помощью ружья.

— Нет ничего проще! Ты идешь себе потихоньку вдоль бережка и вдруг видишь на мелководье вода забурлила, завертелась. Это значит, там щучий бой идет во время нереста или активный жор после него. Стрельни туда, и увидишь белое щучье брюшко. Убить ты ее, может быть, и не убьешь, а оглушишь точно! Так что поторопись эту рыбку вытащить из воды, пока она не очухалась.

«Вот это здорово! — подумал я тогда. — Нет ничего проще. Завтра же пойду».

Ружейная рыбалка

Утром следующего дня я встал с надеждой быстро закончить обход, принять больных и пойти к речке на ружейную рыбалку, но, по закону зловердства, главный

При этом мы и не подумали, что он сквернословит. У него была целая теория относительно замаскированного мата.

— Не убить ни одного чирка, ну не позор ли это! Да вам не «Зауэр» надо доверять, а «...»!

Далее следовало название предмета, который нам можно доверять, оно сильно напоминало название его родной деревни. В одной руке он держал свое уникальное самодельное ружье, бьющее без промаха, а в другой матерого селезня. Мы прямо-таки ахнули от удивления и спрашиваем:

— Михалыч, когда же ты под-

уехал в район, и мне пришлось вести смешанный прием. Больных было больше, чем обычно, и освободился я только к вечеру, но всё же решил не отказываться от задуманного мероприятия.

Мне не терпелось испытать новый способ рыбной ловли. Через парк я прошел к речке и пошел вдоль берега в сторону Мордовки. Прошел около километра, когда наконец у самого берега среди редких камышовых зарослей что-то забурлило, закрутилось, аж вода вспенилась. Ага, вот он какой — шумный «щучий бой», и как же мне повезло, подумал я, — прямо у самого бе-

таком основании я расстрелял его вентерь, куда он складывал пойманную на удочку рыбу. Тут я понял, какую оплошность я совершил. Я уж и извинялся, и выразил готовность заплатить за нанесенный ему ущерб, рассказал ему о том, что первый раз вышел на подобную «рыбалку», что мне хотелось испробовать недавно купленное ружье во время «щучьего боя». Смотрю, мужик заулыбался:

— Ты часом не рехнулся, какой щас щучий бой? У тебя что, сейчас весна? Нерест и жор у щук бывает в апреле, реже — в мае, а щас у нас конец сентября. Ты, наверхное, не местный поди, в отпуск приехал?

— Да нет, теперь я местный, вот уже почти два месяца живу в больнице. Я там хирургом работаю.

— Хирургом говоришь? Значит, у тебя спирт всегда есть. Давай щас сделаем так: возьмем мою подстреленную тобой рыбеху, пожарим ее и используем, как закусочный материал. Ты будешь меня угощать моей рыбой. Пойдет?

Меня такой вариант вполне устраивал. Мой новоиспеченный приятель собрал свои снасти, вынул из вентерья двух щучек, переложил их в авоську, и мы двинулись в больницу. Я нашел санитарку Аришу, попросил ее пожарить нам рыбу, и когда она принесла нам скворчащую сковородку, мы возликовали. Бутылка водки, которая была у меня припасена «на всякий пожарный», пригласила кстат. Всё это располагало к знакомству и длительной беседе. Моего собеседника, сравнительно молодого человека, звали Дмитрием, и был он коренным жителем деревни Мордовки. Наш разговор действительно затянулся, проговорили обо всем на свете — и о рыбалке, и о нелегкой крестьянской доле, о прошлом, настоящем и будущем деревни. Расселись мы самыми лучшими друзьями, а на прощанье Дмитрий в великодушном порыве мне сказал:

— Знаешь што, когда тебе захочется, черт с тобой, стреляй из ружья по вентерям.

И я тогда, конечно, воспринял такое предложение не только как шутку, но и как проявление необыкновенной доброты широкой русской природы.

НА СНИМКАХ: Василий Панов; родные просторы.